

ТЕОРИЯ • THEORY Научная статья • Article

С. Г. Маслинская, Т. Г. Западова

От виниловых пластинок к аудиокнигам: антропологический экскурс в историю семейного чтения

Аннотация. В статье рассматривается современное семейное чтение в форме прослушивания грампластинок и других аудионосителей. Чтение анализируется в своем повседневном бытовании в семейной обстановке с применением антропологических методов сбора материала и интерпретации. Цель исследования – проверка гипотезы о преемственности форм и функций семейного чтения. Индивидуальное или групповое прослушивание аудиозаписей литературных текстов может служить как интеграции группы (в том числе семейной), так и дезинтеграции (индивидуального читательского эскапизма). Прослушивание книг формирует индивидуальный и групповой культурный опыт, который в общем семейном нарративе может интерпретироваться как специфический, репрезентирующий (культурную) общность конкретной семьи («мы все читающие люди»). Той же цели служит включение прослушивания в процесс повседневных рутинных действий: приготовление пищи, досуговое времяпрепровождение (настольные игры, рисование, рукоделие). Материальные носители (проигрыватели, пластинки, аудиокассеты) в семейных нарративах становятся частью семейного «реликвария», передаются от одних (как правило, старших) родственников – другим, так же, как и фонды семейных библиотек. Сходство этой практики наследования свидетельствует об общности механизмов сохранения культурного наследия в семье. В то же время распространение современных технологических решений (цифровые форматы) не означает, что такого рода наследование прерывается: подборки цифровых аудиокниг передаются другим членам семьи. Устойчивое воспроизведение этого механизма передачи культурного опыта показывает, что феномен домашней библиотеки (на разных видах носителей, в том числе и бумажных) остается одним из важнейших способов существования традиции семейного чтения.

Маслинская Светлана Геннадьевна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7911-4323
e-mail: braunknopf@gmail.com

Западова Татьяна Геннадьевна

Центральная детская библиотека муниципального учреждения
«Тихвинская централизованная библиотечная система»,
4 микрорайон, 4А, Тихвин, 187556, Россия,
заведующая
e-mail: ksanf71@mail.ru

© С. Г. Маслинская, Т. Г. Западова, 2025

Ключевые слова: семейное чтение, детское чтение, грампластинка, аудиокнига, медиатизация, антропология чтения

Для цитирования: Маслинская С. Г., Западова Т. Г. От виниловых пластинок к аудиокнигам: антропологический экскурс в историю семейного чтения // Книга. Чтение. Медиасреда. 2025. Т. 3, № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-1-2>.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025

Получена после доработки 16.04.2025

Принята для публикации 24.04.2025

S. G. Maslinskaya, T. G. Zapadova

From Vinyl Records to Audiobooks: An Anthropological Excursion into the History of Family Reading

Maslinskaya Svetlana G.

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (The Pushkin House), Research Center for Russian Children's Literature,

Naberezhnaya Makarova st., 4, St. Petersburg, 199034, Russia,

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-7911-4323

e-mail: braunknopf@gmail.com

Zapadova Tat'yana G.

Central Children's Library "Tikhvin Centralized Library System",

4th Mikrorayon, 4A, Tikhvin, 187556, Russia,

Head of Department

e-mail: ksanf71@mail.ru

Abstract. The article examines modern family reading in the form of listening to vinyl records and other audio media. Reading is analyzed in its everyday life in the family environment using anthropological methods of material collection and interpretation. The purpose of the study is to test the hypothesis about the continuity of forms of family reading. Individual or group listening to audio recordings of literary texts can serve both group integration (including family) and disintegration (individual reading escapism). Listening to books forms individual and group cultural experience, which in mutual family narrative can be interpreted as specific, representing the (cultural) community of a particular family ("we are all reading people"). The same purpose is served by including listening in the process of routine activities: cooking, leisure time (board games, drawing, handicrafts). Material media (players, records, audio cassettes) in family narratives become a part of the family heirloom, passed on from one (usually older) relative to another, just like the collections of family libraries. The similarity of this practice of inheritance testifies to the common mechanisms of preserving cultural heritage in the family. At the same time, the spread of modern technological solutions (digital formats) does not mean that this kind of inheritance is interrupted: collections of digital a-books are passed on to other family members. The stable reproduction of this mechanism for transmitting cultural experience shows that the phenomenon of the home library (on different types of media, including paper) remains one of the most important ways in which the tradition of family reading exists.

Keywords: family reading, children's reading, vinyl records, audiobook, mediatization, anthropology

Citation: Maslinskaya S. G., Zapadova T. G. From Vinyl Records to Audiobooks: An Anthropological Excursion into the History of Family Reading // Book. Reading. Media. 2025. Vol. 3, No. 1. P. 18–27. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-1-2>.

Received 15.03.2025

Revised 16.04.2025

Accepted 24.04.2025

Введение

Несмотря на понятное пристрастие исследователей к изучению чтения произведений, распространяемых печатным способом, история детского чтения XX в. и еще в большей степени XXI в. не может быть написана только на основе чтения «бумажных» книг. Литературные произведения для детей транслировались в виде экранизаций и в различных формах звукозаписи, причем голосовые версии нередко становились наиболее массовым способом знакомства аудитории с Буратино, Винни-Пухом, Алисой в Стране Чудес и другими литературными героями.

Развитие звуко- и видеопередающих технологий, начавшееся с появлением в 1920-е гг. первых детских радиопередач и кинофильмов, продолжилось во второй половине XX в. производством и тиражированием домашних средств звуко- и видеовоспроизведения: фильмоскопов, проигрывателей грампластинок, бобинных и кассетных магнитофонов, диа- и видеопроекторов. Эти приборы не только становились ретрансляторами литературных текстов, но использовались для создания новых художественных произведений для детской аудитории. На студиях звукозаписи не просто читали тексты, но создавали радиоспектакли, потом они воспроизводились на виниловых пластинках, бобинных катушках, кассетах, дисках. Некоторые технологии сосуществовали во времени и транслировали одни и те же тексты в переработанном под конкретный медиаформат виде, другие меняли тексты поступательно, например, когда диапроекторы сменились домашними видеопроекторами.

История звучащей книги – *recorded literature*, по выражению Николаса Зурбругга (Zurbrugg, 1981), или *auditory literature* (Rubery, 2016) – преимущественно рассматривается в ракурсе теории эволюции медиа и медиатизации и, в частности, ассоциирована с понятием «вторичной устности» (Ong, 1982, с. 133). Проблемы акустического восприятия литературы изучаются в связи с родо-видовыми свойствами литературы (напр., чтение вслух поэзии (Hennessey, 2011) или развитием технологий записи литературных произведений (Olsson, 2011; Rubery, 2011)). В последнее время заметно увеличилось количество исследований, посвященных аудиокнигам как современному способу трансляции звучащей книги (Have, Pedersen, 2016; Tattersall Wallin, Nolin, 2019), однако предыдущий этап развития этого формата чтения – произведения, записанные на виниловые пластинки, пока еще не получил достаточного внимания исследователей (Bonner, 2008). Еще менее изучены исторические формы практик подобного рода восприятия литературного чтения – прослушивания аудиозаписей. Мы хотим восполнить этот пробел и обратиться к изучению прослушивания виниловых пластинок и других

аудиозаписей, адресованных детям, в домашней обстановке российских семей в 1960–2020-е гг. На российском материале исследований прослушивания аудиозаписей как формы семейного чтения еще не проводилось, в то же время и сами антропологические подходы к изучению чтения применяются крайне редко, можно назвать только работы М. Алексеевского и О. Сергеевой (Алексеевский, 2014; Сергеева, 2008).

Целью нашего исследования стала проверка гипотезы о преемственности форм (чтение вслух бумажных книг и прослушивание их аудиоверсий) и функций семейного чтения.

Разделяя мнение исследователей, которые рассматривают прослушивание аудиозаписей как форму чтения, мы сосредоточились на изучении ее материальной и поведенческой стороны, чтобы ответить на вопрос: каким образом эта форма досуга участвует в конструировании семейной общности? Опираясь на новые подходы к «расширению концепции чтения», которая перестает быть только «действием, определяемым зрением» (Have, Pedersen, 2013, с. 127), мы постулируем прослушивание пластинок и других аудионосителей как практику чтения. Она анализируется в своем повседневном бытовании в семейной обстановке с применением антропологических методов сбора материала и интерпретации – «насыщенного описания» культурных практик (К. Гирц).

Материалом нашего исследования стали 39 интервью, записанных в ходе работы по проекту «Антропология семейного чтения» в 2018–2025 гг. (подробнее о проекте: Маслинская, 2018). Интервью были взяты в г. Тихвине (Ленинградская область) у семей, являющихся постоянными читателями Центральной детской библиотеки. Фокус на практиках семейного прослушивания аудиозаписей произведений детской литературы стал закономерным продолжением исследований традиций семейного чтения этого региона (Западова, 2018).

Информантами выступили представители разных возрастных категорий – детского, юного, среднего и старшего возраста. Большинство респондентов среднего и старшего возраста имеют высшее образование. Интервью были взяты как у членов одной семьи – 8 семей (31 человек, из них представителей мужского пола – 11), так и 7 индивидуальных интервью (в основном у женщин старшего возраста – 50–71 год). В 6 семьях есть дети-школьники (начальная и средняя школа), у 10 из них взяты интервью. Большинство информантов – коренные жители Ленинградской области, Тихвинского района (родители многих – из деревень). Семьи создавались в Тихвине, но несколько информантов приехали в Ленинградскую область в 1990-е гг., 1 информант – 9 лет назад; среди опрошенных есть только одна приезжая семья – родители приехали

по распределению в 1970-х гг., а взрослые дочери создали семьи в Тихвине. Интервью брались как в Центральной детской библиотеке г. Тихвина, так и в домашней обстановке.

Пластинки и проигрыватели как часть семейной материальной культуры

В воспоминаниях информантов (независимо от возраста) регулярно встречаются мотивы обретения проигрывателя и пластинок (рис. 1). Этот мотив может являться частью нарратива о создании семьи:

Мы когда с мужем поженились, это уже к делу не относится, очень тяжелые были времена. И мы увидели в магазине проигрыватель, мы побежали, сняли последние деньги, вот какие были на сберкнижке – мы побежали, сняли, купили пластинок – две. Нам хватило на 2 пластинки (ж., 56)¹.

Рис. 1. Из личного фотоархива В. Е. Загарских.

Д. Самойлово Бокситогорского района
Ленинградской области, 2025

Fig. 1. From V. E. Zagarskikh's personal photo archive.
Samoilovo village, Boksitogorsk district,
Leningrad region, 2025

Одна из информанток сообщила, что ее будущий муж пришел к ней жить со своими пластинками:

Он когда на мне женился, у меня уже был ребенок. 3 года было моему сыну, и он прям сразу с пластинками явился. И вот мы сыну включали все время. И сын у нас рос – он очень рано начал читать (ж., 56).

Таким образом, пластинки встают в один ряд с другими индивидуальными предметами, которые попадают в новую семью, маркируют привнесенные культурные практики как индивидуальные и задают семейную общность на основе разделенности нового опыта совместного прослушивания аудиозаписей.

¹ Здесь и далее в скобках указан пол и возраст информанта.

Передача проигрывателя и пластинок может осуществляться по семейной вертикали (от старших родственников к младшим) – как правило, это происходит по одной или другой линии родства: от родителей мужа в его семью (*«Мы просто раньше жили в деревне (Ленинградская область), у нас там стоит проигрыватель и пластинки. От мужа, еще с его детства достались»* (ж., 34)), так же и от родителей жены (рис. 2). В то же время есть свидетельства о межпоколенческих разрывах – отказе передать пластинки:

У меня же еще диафильмы были дома, сами вот эти пленочки некоторые детям отданы, а пластинки у меня хранятся, у них не на чем играть. Проигрыватель я им не отдаю, да им и некогда слушать (ж., 70).

С². – А дочки не хотели от вас забрать пластинки?

И. – Я думаю, что им не надо, но внучка у меня и зять – они хотели, но я не дала. Они кое-что забрали, даже забрали кое-какие пластинки, сказали: «От бабушки заберем приемник и будем слушать». Они музыкальные пластинки забрали, естественно. Там, Цой и вот все вот эти. А проигрыватель я им не дала. Причем иголку теперь – как зеницу ока... Потому что они одну сломали, запасная была, теперь где их купить? Теперь уже не купишь (ж., 67).

Многие информанты вспоминают первые детские впечатления от появления пластинок в доме:

Мы мотались по стране. Мы на севере, на юге жили. А вот перед тем как пойти в школу, в 6 лет

Рис. 2. Из личного фотоархива семьи Шауловых.
г. Тихвин, 2025

Fig. 2. Photos from the Shaulov family's personal archive,
Tikhvin, 2025

² Здесь и далее приняты сокращения: С – собиратель, И – информант.

у меня уже появились первые пластинки. Я не помню, откуда у нас появился такой вот приемник, как их называли... У нас «Мелодия» был. У него там два динамика. Там радио было и пластинки. И кто не приезжал – а у нас военный городок был, и кто откуда приезжает от своих – привозили пластинки. У меня летом день рождения – всегда дарили это. И «Бременские музыканты», и «Чиполлино». Всё вот в озвучке шло, именно текстовой, как по книжке. Типа – музыкальная сказка, с музыкальным оформлением. Вообще, великолепно. И я любил постоянно это слушать (м., 63).

Эксплуатация проигрывателя устойчиво ассоциирована в памяти с общением родителей с детьми по поводу сохранности иглы и обнаруживает эмоциональную связь между родственниками:

В детстве были пластинки. Папа очень трогательно так... Он у меня радиомеханик, ремонтировал, сказал, что аккуратно – иголочка, чтобы пластинки руками мы не брали. Ну, были такие музыкальные «что было раньше – курица или яйцо?». Мне было интересно – вот эти голубые пластинки... Папа сказал: «Аккуратно включаешь, не царапаешь». Может, не много было. Не так богато жили. Хотелось бы больше пластинок, книжки же дефицит были, но в библиотеку ходили. Сказки я до сих пор люблю. Я верю в сказки. И «Морозко», и смотрю и старые кинофильмы, и, наверно, были бы сейчас пластинки – было бы интересно (ж., 53).

Для семей, имевших проигрыватели, типична практика обновления оборудования: на смену проигрывателю приходил магнитофон (чаще кассетный, чем бобинный), затем аудиодиски и цифровые аудиокниги на смартфоне, планшете или компьютере и в последние годы – аудиоколонки «Алиса» и «Маруся»:

Потом у нас появился магнитофон. На магнитофоне, наверно, у нас были сказки Алёне куплены. Всяких сказок. Потом появился видеомангнитофон. Пластинки уже утратили свою такую эту... и мы передали их в сад. Мы уже слушали магнитофон... (ж., 53).

Это, кстати, было после пластинок такой формат появился аудиопрослушивания. Через телефон и компьютер. Даже чаще через телефон. И то, это как получалось: когда у меня не было времени на чтение, я предлагала альтернативу – послушать аудиосказку (ж., 34).

В том-то и дело, она <дочь – С. М., Т. З.> входит в комнату, говорит: «Маруся, включи сказку». Ну то есть она еще ребенок-ребенок. Она рисует, она играет, но при этом – ей интересно (м., 39).

Технологическая эволюция средств воспроизведения звука влечет за собой смену оборудования именно в тех семьях, для членов которых практика прослушивания пластинок сформировалась в детстве и затем была перенесена в собственные нуклеарные семьи (рис. 3). Накапливание нескольких видов медианосителей и медиапроигрывателей осознается как скрепляющий семью опыт:

С. – Да, всё перевезено у нас. Мы продали квартиру там, что – выбрасывать, что ли? Нет!! <эмоционально – Т. З.>. Пластинки мы не выбросили, проигрыватель мы не выбросили, магнитофон – который катушечный, мы не выбросили. Вот это раритет у нас, он рабочий.

И. – А на бобинах этих были тексты?

И. – Да, наверно, были, просто сейчас она же размагнитилась уже, эта пленка. Поэтому на пластинках удобнее, все-таки они не размагничиваются (ж., 67).

Таким образом медианосители встраиваются в ряд семейных реликвий, «имеющих особое символическое значение как воплощение идеи рода» (Разумова, 2001, с. 162). Поэтому утрата медианосителей обосновывается переездами, пожарами, ветхостью и другими причинами, но не остается без оправдания. Нередко утрата пластинок соположена утрате книг, что говорит об их эквивалентности в иерархии семейных ценностей:

Мы жили здесь, потом мы переезжали на Кавказ – мы переезжали без пластинок, я не знаю, может быть, мама кому-то их отдала, потом мы вернулись. И очень много чего пропало с переездами.

Рис. 3. Из личного фотоархива Т. А. Муниной. Тихвинский район, Ленинградская область. 2025
Fig. 3. Photos from T. A. Munina's personal archive, Tikhvin district, Leningrad region, 2025

Много утеряно книг хороших. Много. Вот прям классики – очень много. И вот пластинки все – тоже. Игрушки мои самодельные, все, ничего... (ж., 38).

О высоком символическом статусе семейных медианосителей может свидетельствовать практика передачи их в детские сады, школы, библиотеки – они относятся к вещам, которые нельзя просто так выбросить на помойку. «Реликвия как воплощение памяти отсылает к определенным периодам и фактам семейной истории в их ситуативно-событийном и эмоциональном содержании» (Разумова, 2001, с. 169) – об этом содержании вспоминают все без исключения информанты, которые в ретроспективе оценивают совместное прослушивание аудиозаписей как ритуалы, способствующие интеграции семьи и рода (рис. 4).

Рис. 4. Из личной коллекции Т. А. Муниной.
Тихвинский район, Ленинградская область. 2025
Fig. 4. Photos from T. A. Munina's personal archive,
Tikhvin district, Leningrad region, 2025

Интеграция и дезинтеграция семьи при прослушивании пластинок

Антропологи, изучающие семейные практики досуга XX в., среди рутинных ритуалов выделяют совместный просмотр телевизионных программ. Так, И. А. Разумова на материале семейного уклада второй половины XX в. в Карелии установила, что телевизор являлся важным предметом домашнего обихода, обеспечивающим совместное времяпрепровождение. При этом она отмечает «двойственную роль телевизора в доме», которая «заключается в том, что, с одной стороны, он выступает средством коммуникации (местом сбора, источником общих впечатлений и тем для разговоров), а с другой – создает ситуацию коммуникативного вакуума» (Разумова, 2001, с. 157). Однако вне поля зрения антропологов пока остались практики совместного прослушивания аудиоверсий художественных произведений для детей. А тем временем они весьма сходны по своим функциям

с просмотром телевизионных передач, в том числе и в части коллективных переживаний общности.

Совместное прослушивание может быть способом меж- и внутрипоколенческого личностного общения:

У меня просто родители рано развелись, мы с папой остались, поэтому нам папа читал книжки. А потом когда мы уже в школе были, либо сами читали, но больше – слушали пластинки. Нам больше нравилось. Ну, всякие там были: «Красная шапочка», и «Колобок», и «Гуси-Лебеди», больше сказки, «Крошечка-Хаврошечка»... Были, конечно, пластинки и с песнями, но, в основном, сказки (ж., 38).

Неоднократно в воспоминаниях обнаруживается совместное прослушивание литературных аудиозаписей с несколькими детьми, братьями и сестрами. Родители, которым сейчас 30–40 лет, с готовностью рассуждают о аудиозаписях как способе воспитательного противодействия засилью гаджетов (*всё забираем, все гаджеты, и просто мы сидели и слушали*) или необходимостью, вызванной болезнью ребенка, например, совместное прослушивание в семье с тремя детьми, когда у одной из дочерей были временные проблемы со зрением и она не могла читать.

Старшие родственники конструируют свою роль хранителей семейных «аудиотрадиций» – бабушка выстраивает преемственность между средним и младшим поколением (своим сыном и своими внуками):

И. – Да я покупала, в основном. У меня двое сыновей – 45 и 44 года. Когда внуков приводили, я тоже им ставила эти пластинки.

С. – Они просили?

И. – Нет, я сама говорила: давай послушаем. Папа слушал, давай и с тобой ее послушаем. Они – с удовольствием. Я старалась им и читать, и пластинки эти слушали. Книг очень много детских было (ж., 67).

Любопытны реконструкции рутинных семейных практик, в которых прослушивание пластинок встроено в другую повседневную деятельность:

Ну, вообще, конечно, лучше, когда перед сном, что ребенок засыпает. Когда он спокойной деятельностью занимается, мы включали, или вот перед сном включали мы. А когда мальчик родился, мы ему включали, чтобы он тоже не чувствовал себя одиноким, потому что я же не могу всё время около него – я готовлю или стираю. Старший бежит, говорит: мама, пора перевернуть пластинку, что уже там, мы знали все сказки по очереди, какие будут... что вот уже вот эта началась там, про медузу Актинию – значит, надо перевернуть. А этот – грудничок. Мы его покормили, перепеленали, и он лежит. И тоже слушает. Приходилось вот таким образом. То есть мы пользовались пластинками очень часто (ж., 56).

Слушание ребенком аудиозаписи становится фоновой деятельностью, что вообще характерно для современного прослушивания музыки и другой аудиопродукции при помощи портативных наушников. В домашней обстановке фоновое аудиозвучание детской литературы было принято так же, как и фоновое звучание телевизора:

С. – *А вот пластинки когда он слушал – он один слушал или вы вместе слушали, как это происходило?*

И. – *Мы как-то слушали так, что он своим делом занимается, не просто вот так сидели слушали, а например, он играет или рисует, и вот на фоне слушается эта пластинка. А я своим занимаюсь чем-нибудь, или готовить. У нас комната маленькая была, что мы как бы вместе, но в то же время своими делами, но обсуждать – как бы обсуждали (ж., 56).*

Освоение звуковоспроизводящей техники ребенком воспринимается как обретение навыков самостоятельности и сродни научению самостоятельному чтению:

Они <дети – С. М., Т. 3.> потом и сами включали. Вот пока еще не умели, конечно, я включала. Им было интересно, и они чем-то занимались, и вот как этот фон – они слушали эти сказки. И старшая внучка у меня – то же самое. У нее как фон был, и она чем-то занималась, потому что они у меня – творческие. Младшие тоже слушают, но иногда уже послушают-послушают: «А нет, бабушка, давай другое что-нибудь». Как бы им уже интересней аудио включить. А засыпают они под аудиосказки – мы включаем им. На телефоне они слушают и засыпают (ж., 67).

Если старшие родственники живут вместе с нуклеарной семьей, то они готовы интерпретировать совместное слушание как семейную традицию, которая передается из поколения в поколение:

Ну, в моем детстве это – «Бременские музыканты», потому что это именно наше детство, и она вышла, а уже у детей были и «Черная курица», и ... в общем, у меня вот такая стопка <показывает – Т. 3.> до сих пор. И даже внуки мои – слушаем мы пластинки. У меня внучке уже 18, 13 – второму внуку и маленькому – 8 лет. И внучка как бы уже взрослая, а эти еще слушают (ж., 67).

С. – *Но больше, вы говорите, все равно нравилось, когда читали вслух?*

И. – *Ну да. Когда читаем, еще картинки посмотрят, так – чисто общение. Ну, хотя, вот говорю, сейчас внук, он с удовольствием слушает, сказки слушает. Через интернет.*

С. – *А родители в это время заняты? Он сам слушает? Или они могут вместе слушать?*

И. – *Нет, почему... Ну, у меня получается так: когда он сидит, с ним же мама сидит или папа сидит, так они там что-то строят или рисуют и вместе слушают. И слушают какую-то сказку. Или песенки. Но песенки, смотрю, как-то не очень, все командует ей сказку какую-нибудь (ж., 52).*

Во второй цитате содержится еще одно размышление о соотношении родительского чтения вслух и слушания аудиозаписей с медианосителей. Информант противопоставляет чтение книги как «чисто общение» и совместное пребывание родителей и детей за пассивным слушанием аудиозаписей. Применительно к подобным практикам «у телевизора» «достигается иллюзия “совместности”, которая избавляет от необходимости общаться» (Разумова, 2001, с. 157), но, по-видимому, совместное прослушивание воспринимается информантами как полноценное общение – *когда он сидит, с ним же мама сидит или папа сидит, так они там что-то строят или рисуют и вместе слушают*. Впрочем, в свидетельствах более старших информантов фиксируются избегающие формы чтения, которые скорее свидетельствуют о дезинтегративной функции аудиочтения в семье:

Вот перед сном час они слушают, лежа в кроватях. Я включаю, мне проще, я ушла и всё, а они там слушают (ж., 73).

Как и в случае с чтением электронных книг, юное поколение может выступать в роли организатора чтения – прослушивания:

И. – *«Мицыри» слушаю. Иногда читаю, иногда слушаю, ну это – когда как. Когда я еще болел, был случай, нам скоро «Мицыри» надо было проходить, а у меня книжки с собой не было. Так что бабушка тоже была не против послушать. Включили, нашел нормального диктора...*

С. – *То есть в это время ты был у бабушки?*

И. – *Да, в это время я был у бабушки. Там у бабушки тоже планшет, так что на планшете включил и слушал.*

С. – *Ты не в наушниках слушал, раз бабушка тоже слушала?*

Да? У вас было включено через планшет? И бабушка слушала?

И. – *И бабушка слушала, и я слушал.*

С. – *Что бабушка сказала?*

И. – *То, что хорошее произведение. Когда я болею обычно, когда я очень плохо себя чувствую, более-менее нормально – я к бабушке хожу. Без ночевки. С ночевкой я бы не согласился (м., 14).*

Именно внук 14 лет оказывается экспертом по подбору аудиоварианта произведения, а бабушка – ведомым слушателем классической литературы. В таком ситуативном обмене статусами производятся новые взаимоотношения взрослых и детей, формируются иные семейные репутации, нежели при вертикальном способе передачи традиций чтения (ср.: *я ушла и всё, а они там слушают*).

Медиатизация семейного чтения

Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что у читающих семей и другие формы досуга общие – совместный просмотр диафильмов сочетается с прослушиванием пластинок, совместное слушание сказок колонки «Алисы» – с семейным времяпрепровождением за настольными играми, чтение вслух в машине – с прослушиванием музыки «из юности»:

У нас есть свой диапроектор. Пошло это все от бабушки с дедушкой. Чаще – дедушка. В детстве, когда я еще была маленькая, дедушка ставил нам диапроектор и мы смотрели часто, что-то мне помнится, сказку «Колобок» и «Доктор Айболит». А потом мы уже купили свой, где-то в 87-м году. Было много пластинок. Пластины, к сожалению, у нас не сохранились. Это были музыкальные сказки (ж., 62).

И. – Нам очень много читали. Не только читали, у нас был проигрыватель, мы слушали аудио на пластинках, много очень у нас. Очень много. Не знаю, может, пластинки у родителей лежат – в рабочем они состоянии или нет. Наверно, мама приобретала.

С. – А у вас дома есть пластинки?

И. – Пластинок нету, как-то не приобретали, не знаю – почему. Надо, наверно, просто забрать у родителей. У них даже проигрыватель этот сохранился. И пластинки, только не знаю – пригодны они или нет, все зашарканные, мы их в детстве зашаркали.

С. – Вы любили слушать?

И. – Мы очень любили! Нам родители читали в детстве, пока мы сами не научились читать, ну, может 2–1 класс (ж., 38).

Я сейчас Тимке подсовываю всякую всячину. И «Сектор газа», и «Арию»... Я ставлю то, что сам слушаю. А художественные произведения слушать... это мало бытует, и раньше-то не очень бытовало. Раньше просто таких возможностей для индивидуального прослушивания не было. Аудиоплеер простенький кассетный у меня появился, когда я уже работал на заводе (м., 43).

В последнем размышлении можно наблюдать качественный сдвиг от прослушивания литературного текста к музыкальному

произведению. Мы уже фиксировали подобную трансформацию при изучении межпоколенческих практик чтения (Маслинская, Западова, 2018). Случай этого читателя показателен: в детстве он слушал пластинки с литературными текстами, сейчас, будучи отцом 14-летнего сына, он также довольно регулярно слушает аудиоверсии литературных текстов, но в качестве материала для установления эмоциональной связи с сыном он планирует использовать свои музыкальные предпочтения:

Послушать я ему могу рекомендовать многое, но пока не было... Ну, может сейчас он уезжать будет, может я ему подборку аудиокниг и сделаю... «Крейсера»... ну я хочу больше ему такие исторические, они, по-моему, у меня есть (м., 43).

В качестве отцовского напутствия может выступить не просто список рекомендованных книг, а подборка аудиокниг. В современных условиях медиатизации чтения прежние домашние библиотеки утрачивают эксклюзивность носителя семейной традиции чтения – им на смену приходят подборки электронных версий литературных произведений, не только визуальных (e-books), но и аудиальных (a-books).

Заключение

Прослушивание аудиозаписей литературных текстов (с музыкально-шумовым компонентом и без него) имеет свойства, «физически, психологически и социально отличные от других средств коммуникации» (Meyrowitz, 1994, с. 50), например от визуальных средств (диапроекторов, видеопроекторов, телевизоров и т. п.). Если физически аудиальные и визуальные способы трансляции текста действительно различаются, то психологические и социальные практики воспроизведения и рецепции оказываются во многом сходными: это индивидуальное или групповое времяпрепровождение, которое может служить как интеграции группы (в том числе семейной), так и ее дезинтеграции (индивидуальный читательский эскапизм). Обе эти функции прослушивания аудиозаписей, будь то виниловая пластинка или цифровая аудиокнига, формируют индивидуальный и групповой культурный опыт, который в общем семейном нарративе может интерпретироваться как специфический, репрезентирующий общность (культурную) конкретной семьи. Такие интерпретации сопровождаются осмыслением эволюции медийного разнообразия в семье, которое трактуется как наследование технологий: раньше слушали пластинки, теперь – аудиокнижки MP3 и «умные» колонки.

В современных исследованиях прослушивания аудиозаписей книг, как правило, анализируется

в синхронизации с другими формами слушания звукозаписи: «Сегодня музыка, радио и аудиокниги едины в индивидуальных компьютеризированных технологиях распространения, таких как смартфоны и iPod, и сливаются с повседневной частной и общественной жизнью» (Schulz, 2004, с. 89). Действительно, как показывают наши материалы, прослушивание литературных текстов с грампластинок или «умных» аудиоколонок зачастую осуществляется в процессе повседневных рутинных действий: приготовление пищи, досуговое времяпрепровождение (настольные игры, рисование, рукоделие). При этом практики слушания книг могут быть не только индивидуальными, но и групповыми: детьми разного возраста в одной семье, старшими родственниками и внуками, родителями и детьми (и другие комбинации).

Материальные носители (проигрыватели, пластинки, аудиокассеты) в семейных нарративах становятся частью семейного «реликвария», передаются от одних (как правило, старших) родственников – другим. Ровно таким же образом передаются и фонды семейных библиотек. Сходство этой практики наследования свидетельствует об общности механизмов сохранения культурного наследия в семье. В то же время современные технологические решения (цифровые форматы) не означают, что такого рода наследование прерывается: под-

борки цифровых аудиокниг, электронные папки со скачанными аудиокнигами также передаются другим членам семьи. Устойчивое воспроизведение этого механизма передачи культурного опыта показывает, что феномен домашней библиотеки (на разных видах носителей, в том числе и бумажных) остается одним из важнейших способов существования традиции семейного чтения.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Вклад авторов

С. Г. Маслинская: разработка концепции, изучение исследовательского контекста и составление библиографии, анализ собранного материала, интерпретация результатов, формулирование выводов, написание, редактирование и переработка текста рукописи.

Т. Г. Западова: сбор материала (интервьюирование), формулировка первичных гипотез, анализ наблюдений, формулировка выводов, редактирование.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Список источников / References

Алексеевский М. Д. Домашние библиотеки в современной России: практики хранения и систематизации прочитанных книг // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3. С. 55–63 [Alekshevsky MD (2014) Home libraries in modern Russia: practices of storing and systematizing read books. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 55–63. (In Russ.)].

Западова Т. Г. Семейные традиции чтения: взгляд из Тихвина // Школьная библиотека: сегодня и завтра. 2018. № 4. С. 36–42 [Zapadova TG (2018) Family reading traditions: a view from Tikhvin. *Shkol'naya biblioteka: segodnya i zavtra* 4: 36–42. (In Russ.)].

Маслинская С. Г., Западова Т. Г. «Вот такое это поколение»: семейное чтение в ракурсе поколенческого разрыва // Читатель в поиске. Москва, 2018. С. 8–16 [Maslinskaya SG and Zapadova TG (2018) “This is what this generation is like”: family reading in the perspective of the generational gap. *Chitatel' v poiske*. Moscow, pp. 8–16. (In Russ.)].

Маслинская С. Г. Антропология семейного чтения: исследовательские перспективы // Школьная библиотека: сегодня и завтра. 2018. № 4. С. 31–35 [Maslinskaya SG (2018) Anthropology of family reading: research perspectives. *Shkol'naya biblioteka: segodnya i zavtra* 4: 31–35. (In Russ.)].

Разумова И. А. *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*. Москва : Индрик, 2001. 374 с. [Razumova IA (2001) Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History. Moscow: Indrik. (In Russ.)].

Сергеева О. В. Домашняя библиотека и чтение: социальные практики в современной городской семье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 1. С. 86–89 [Sergeeva OV (2008) Home library and reading: social practices in a modern urban family. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* 1: 86–89. (In Russ.)].

Bonner D (2008) Revolutionizing children's records: the Young People's Records and Children's Record Guild series, 1946–1977. Lanham [et al.]: Scarecrow Press.

Have I and Pedersen BS (2013) Sonic mediatization of the book: affordances of the audiobook. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research* 29 (54): 123–140. DOI: <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v29i54.7284>

Have I and Pedersen BS (2016) *Digital audiobooks: new media, users, and experiences*. New York: Routledge.

Hennessey MS (2011) Poetry by phone and phonograph: tracing the influence of Giorgio Poetry Systems. *Audiobooks, literature, and sound studies*. New York, London, pp. 76–91.

Meyrowitz J (1994) Medium theory. *Communication theory today*. Cambridge, UK, pp. 50–77.

Olsson J (2011) The audiographic impulse: doing literature with the tape recorder. *Audiobooks, literature, and sound studies*. New York, London, pp. 61–75.

Ong WJ (1982) Orality and literacy: the technologizing of the word. London: Methuen & Co.

Rubery M (2011) Introduction: Talking books. *Audiobooks, literature, and sound studies*. New York, London, pp. 1–21.

Rubery M (2016) The untold story of the talking book. Cambridge, MA, London: Harvard Univ. Press.

Schulz W (2004) Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication* 19 (1): 87–101. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323104040696>

Tattersall Wallin E and Nolin J (2019) Time to read: exploring the timespaces of subscription-based audiobooks. *New Media & Society* 22 (3): 470–488. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819864691>

Zurbrugg N (1981) Regarding recorded literature. *Aural Literature Criticism*. New York, pp. 10–12.